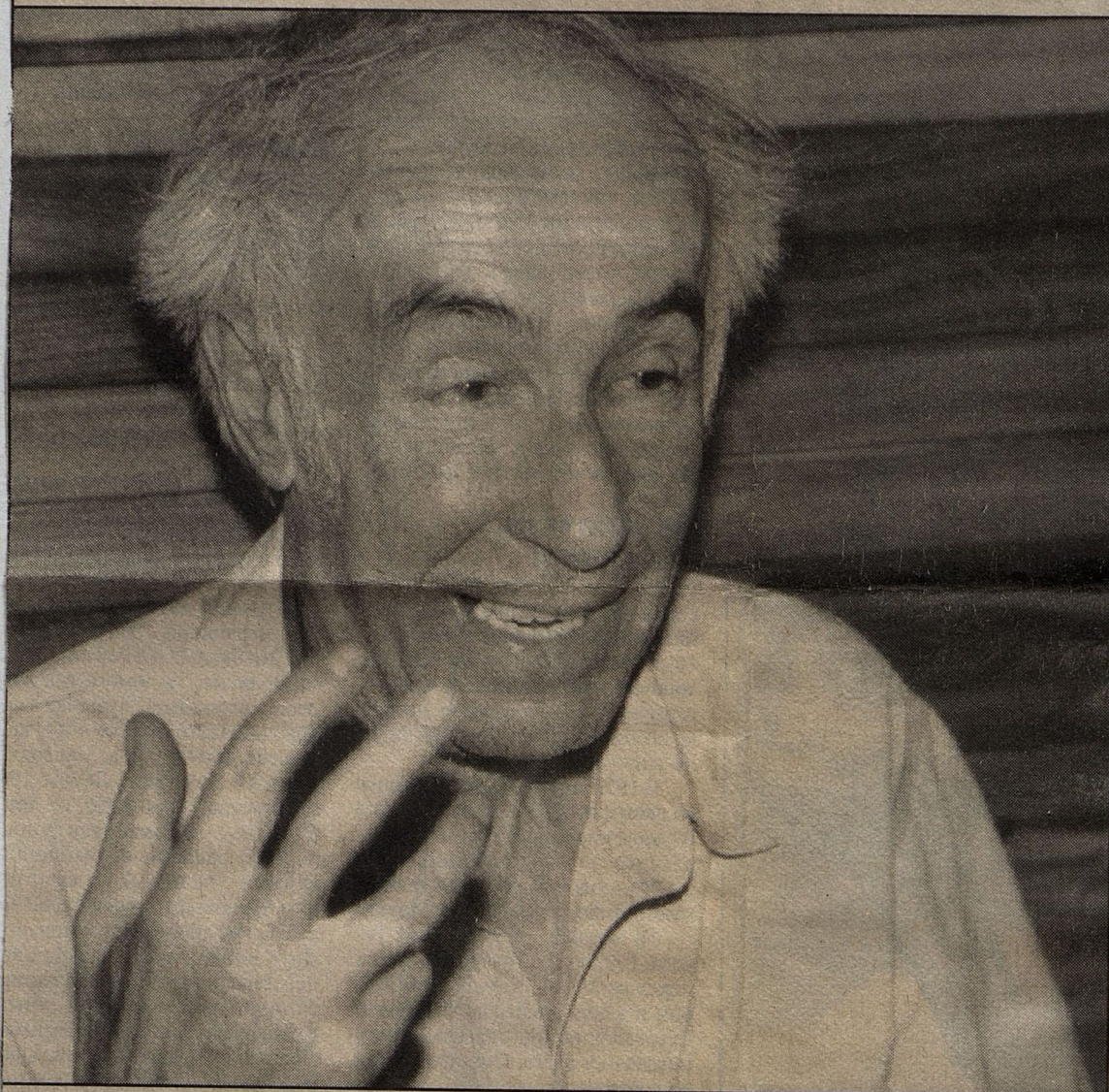

Валентин НИКУЛИН:

Возв. клуб -
2000 - 15 янв. - с. 7.

"МАДАМ" У МЕНЯ ТОЛЬКО КЛЮЧИ ПОПРОСИЛА

Восемь лет его не было дома. Народный артист России, актер театра "Современник" уехал в Израиль в 1991-м. В прошлом году Валентин Никулин вернулся в Москву. Навсегда.

не хватало одной строфы, а свист лег очень кстати.

— Любимая роль — Смердяков в "Братьях Карамазовых"?

— А вот и нет! Очень люблю свой эпизод в "Девяти днях одного года".

— Там на свадьбе Алексея Баталова вы говорите тост...

— Эпизод длится минуту десять секунд, но это были съемки у самого Ромма! Ромм обожал театральные актеров, умел и любил с ними работать. Я долго ждал, когда же он начнет работать со мной. И вот пора снимать, Ромм подходит ко мне, обнимает меня за плечи, и мы ходим с ним по кругу, разговариваем. Обо всем. О детстве, о родителях, о жизни. Я нервно поглядываю на часы — когда же он начнет со мной репетировать? А он удивленно спрашивает: "Валечка, вы торопитесь?" И опять мы с ним ходим... Потом он говорит: "Ну, теперь будем снимать". Я опешил: а репетиция, а подготовка? А он спокойно улыбается: "Вот как вы сейчас со мной разговаривали, так и будем снимать..."

— Вы упомянули Булата Окуджаву... Вас связывали тесные отношения?

— Довольно близкие. А познакомились мы почти сорок лет назад. Однажды Александр Свободин, в то время уже очень известный критик, привел меня в компанию друзей в какую-то квартиру на Соколе. Булат пел... Я вошел в комнату на второй строфе вот этой песни: На смоленской дороге метель в лицо, в лицо...

Булат сидел на столе — согнутый, как всегда, немного похожий на нахохлившуюся грустную птицу. Рядом горела настольная лампа, освещающая его лицо. В этот момент в моей жизни все стало на свои места, а дальше только подтверждалось.

— Вы имеете в виду жизненную философию, принципы?

— Ну конечно! Я ведь считаю себя шестидесятником, только я

был самым из них молодым, а Булат — самым старшим. Мы встречались иногда каждый день, иногда реже. У меня был абсолютный слух, и после его новых песен — а он тогда писал по двести в день — я приходил домой, садился за рояль и по слуху подбирал их. Когда я уезжал, это было зимой, прощался с Булатом в Переделкине. Он вышел меня провожать, стоял в глубоком снегу по колено... А на плечи накинул телогрейку, простенький такой деревенский тулуп.

И вот, представьте. Возвращаюсь я домой, в Россию, приезжаю в Переделкино — на дачу Окуджавы, теперь уже в музей. И вижу, и чувствую — все осталось так, как было тогда, в день моего отъезда. Мы вышли на улицу, стало прохладно, я накинул какую-то рубашку... И Маратик — это человек, который смотрит за домом Булата — выносит и накидывает мне на плечи ту самую телогрейку! Вот какие странные бывают в жизни совпадения.

— Вы часто пели его песни в концертах?

— Да, только я не пел, я исполнял. Я их напевал, и поэтому, мне кажется, Булат меня любил. При встрече с ним я понял, что существуют некие абсолютные ценности, следовать которым невероятно трудно. Наверное, поэтому я проиграл...

— Вы считаете себя проигравшим? Почему?

— Ну я же не стал крутым... Как вас встретила Москва, коллеги, театр?

— Вот уже год я здесь, но отношения с театрами как-то не складываются. Хотя я безумно мечтаю о сцене, просто безумно! Олежек Ефремов дал мне роль в спектакле "Орнитология. Интимные наблюдения". Он прошел всего один раз — не сложилось... А "Современник" пока молчит. Хотя Галя Волчек много раз говорила, когда я был там: "Валю мы не вычеркнули из театра, ведь здесь его каждый кирпичик помнит". Олежек сейчас

болеет, во МХАТе смутные времена... А друзья меня встретили очень тепло. Я ведь приехал без вещей, жить негде. Мишенька Жванецкий принес денег — от себя и Ромы Карцева. Иосиф Кобзон очень помог с квартирой, так что я теперь живу на своих квадратных метрах. Приглашают на фестивали, на телевизионные передачи... А с работой ведь теперь у всех непросто.

— Вам приходилось дублировать других актеров?

— Да, но только режиссеры дублируя мне жаловались, что я переигрываю своих героев. Йозас Будрайтис — я говорил за него в фильме "Никто не хотел умирать" — сказал мне, что я сыграл его роль лучше, чем он. Я много дублировал и в мультфильмах, помните такой: "Я подарю тебе звезду!" Очень жалею, что не сложилась работа с Козинцевым, хотя он сначала хотел пригласить меня дублировать Юри Ярвета — короля Лира. Но потом эту роль озвучил Гердт. Много чего не успелось, не удалось сыграть.

— С кем из актеров "Современника" вы были особенно дружны?

— С Олеженькой Далем, конечно. Я книжку про него написал, там все-все мое сокровенное собрано.

— Вы такой романтичный человек. Наверное, часто влюблялись?

— Постоянно! Но в моих взаимоотношениях с женщинами я всегда был подчиненным, за меня все и всегда решали они. Трижды был женат. Актрисой была только моя первая жена Анечка, внучка великого актера Ивана Москвина. А потом были две Инны. Одна — донская казачка, вторая, которая осталась в Израиле, — самая красивая женщина Одессы. А здесь, в Москве, я встретил Мариночку, она мой ангел-хранитель. Я всегда женился на женщинах с детьми, может, от этого свои и не появились.

Встречалась Мария АЛЕКСЕЕВА

— Валентин Юрьевич, почему решили тогда уехать?

— Меня тогда никто ни о чем не спрашивал. У "мадам", моей третьей жены Инны, есть дочь. Они с мужем-врачом решили уехать. Мадам не могла отпустить их одних. Все продала — и мы поехали. Хотя я просил ее и друзей уговаривали оставить хотя бы квартиру — у нас была шикарная квартира на Павелецкой. Но она никого не слушала. Мы уезжали в первой половине 91-го, тогда еще всех подряд уезжающих лишали гражданства. Это было так страшно — уезжать навсегда. Кстати, Миша Козаков эмигрировал на полгода позже, а тогда уже гражданство оставляли.

— Вы быстро пожалели о том, что уехали?

— В самолете. Когда меня провожали, Сережа Никитин подарил мне свою, только что вышедшую кассету. Я сел в самолет и увидел через проход от меня человека, грузина, который что-то слушал через плеер. Попросил у него магнитофон, поставил Сережину кассету... И зарыдал.

— И чем вы жили в Израиле?

— Играл в антрепризах у Козакова.

— Выучили иврит?

— Ни в коем случае. Я принципиально не хотел учить язык, у меня с ним роман не сложился. Заучил только текст роли.

— А что с гражданством?

— Спасибо Евгению Александровичу Бовину, тогдашнему

послу России в Израиле. Он помог, и я снова стал гражданином России.

— Вы надеялись вернуться?

— Конечно! И начал потихоньку возвращаться — сначала с гастролью, с театром Козакова. А в прошлом году решил приехать ко дню рождения Булата Окуджавы. Седьмого мая вышел из дома в тапочках на босу ногу, с легким шарбом, где летние вещи лежали. А мадам мне говорит: "Ключи оставь". Я только потом понял, что уехал в Россию навсегда.

— Вы коренной москвич? Расскажите о своей семье.

— У меня было замечательное детство! Мы жили на Арбате, на Собачьей площадке. Я — единственный сын мамы-музыканта и отца-писателя. Мама, между прочим, училась в консерватории и подавала большие надежды как пианист-исполнитель. Она училась у Нейгауза, Гольденвейзера... Но родился я, музыка уже не могла отнимать у нее все время. Она стала замечательным концертмейстером, у нас дома репетировали великие певцы. Так что можете себе представить, в какой среде я вырос.

— То есть, выбор профессии был предопределен?

— Мама хотела, чтобы я получил нормальную специальность, а уж потом занимался, чем хотел. Конечно, я мечтал стать артистом, но пошел в МГУ на юридический, сразу же поступил.

Я вообще очень послушный и дисциплинированный был мальчик. Учился на отлично, но, как говорится, натура брала свое. После четвертого курса отправился в Школу-студию МХАТ и, представьте, прошел конкурс. Так целый год учился параллельно — заканчивал юрфак и первый курс театрального.

— А дальше — театр "Современник"?

— Ну, тогда это была еще студия, ее основатели закончили училище на пару лет раньше меня. Ефремов, Волчек, Евстигнеев, Толмачева, Кваша... Они увидели меня в дипломном спектакле "Свадьба" по Чехову. И как-то сразу стало понятно, что я — их.

— Вам предложили роль?

— Меня ввели в спектакль "Вечно живые" на подмену к Ефремову, который играл отца главного героя.

— И сразу начали сниматься в кино?

— Анатолий Эфрос репетировал с актерами, готовился снимать фильм "Високосный год". Меня он попробовал на роль Андрея. Эти репетиции увидел Даниеля, который готовился к съемкам фильма "Путь к причалу". И утвердил меня на главную роль. Такому решению помогло то, что я пел. "Если радость на всех одна, на всех и беда одна..." — эта песня мгновенно облетела всю страну и стала более знаменита, чем фильм. Причем просвистеть один куплет предложил я, для фильма